УДК 332.025
JEL F63, R11
DOI 10.25205/2542-0429-2018-18-4-190-205

Проблемы включения российской экономики в глобальные цепочки создания стоимости: региональный аспект

М. А. Волкова

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева
Красноярск, Россия

Аннотация

Рассматриваются вопросы включения региональной экономики в глобальные цепочки создания стоимости. В современной мировой экономике глобальные цепочки создания стоимости играют значительную роль, однако российская экономика включена в процессы международного разделения труда, преимущественно, как поставщик сырья. Сделан вывод о необходимости улучшения международной специализации российской экономики в направлении роста объемов выпуска продукции (услуг) с высокой долей добавленной стоимости. В условиях нарастания региональных диспропорций в экономическом и социальном развитии России, реализации в течение последних лет государственной экономической политики с ярко выраженным выравнивающим характером предлагается уделить большее внимание региональному измерению проблемы участия отечественного бизнеса в глобальных цепочках создания стоимости на выгодных условиях. В данной статье рассмотрена возможность переноса акцента региональной экономической политики с поддержки отдельных отраслей на поддержку отдельных производств, которые включены в глобальные цепочки создания стоимости и могут быть организованы как на базе уже существующих компаний, так и в рамках новых. В этой связи предложена новая типология секторов региональной экономики как объектов государственного регулирования и поддержки, определены принципы взаимодействия между государственными структурами, научно-исследовательскими организациями и бизнес-сообществом при реализации проектов организации производств, являющихся частью региональных и глобальных производственных сетей.

Ключевые слова

глобальная цепочка создания стоимости, региональная экономика, объект государственного стимулирования

Для цитирования

Волкова М. А. Проблемы включения российской экономики в глобальные цепочки создания стоимости: региональный аспект // Мир экономики и управления. 2018. Т. 18, № 4. С. 190–205. DOI 10.25205/2542-0429-2018-18-4-190-205

Integration of the Russian Economy into Global Value Chains: Regional Dimension

M. A. Volkova

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract

The article examines the issues pertinent to the integration of the regional economy into global value chains which play a significant role in the modern world economy. However, the Russian economy is integrated into the organization of production across national boundaries on disadvantageous terms, i.e. mainly as a supplier of raw materials. The article concludes that it is necessary to improve international specialization of the Russian economy so as to increase

© М. А. Волкова, 2018

the production of high value added goods and services. Given the increasing regional disparity of social and economic development in the Russian Federation and the recent government economic policy with pronounced equalization efforts, it is suggested that special attention be drawn to the regional dimension of national business participation in global value chains on advantageous terms. The article considers the possibility to shift the focus of regional economic policy from supporting individual branches to supporting specific businesses and productions which could be viewed as a part of global value chains; these businesses or productions can be set up either within the exciting companies or the newly created ones. In this regard, the author proposes a new typology of regional economic sectors subject to government regulation. The article determines the principles that guide interactions between government bodies, scientific-research organizations and businesses while implementing production projects which are part of regional and global production nets.

Keywords

the global value chain, regional economy, government support

For citation

Volkova M. A. Integration of the Russian Economy into Global Value Chains: Regional Dimension. *World of Economics and Management*, 2018, vol. 18, no. 4, p. 190–205. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0429-2018-18-4-190-205

Введение

В результате глобализации все больше экономических процессов в современном мире выстраивается вокруг глобальных цепочек создания стоимости. Усиление конкуренции на товарных рынках, либерализация внешнеторговых режимов многих развитых и развивающихся стран, значительное снижение расходов на транспортировку, развитие информационно-коммуникационных технологий, а также необходимость использования для производства одного вида продукции тысячи комплектующих и различных видов сырья стали движущими причинами создания множества компаний с достаточно узкой специализацией, задействованных на отдельных стадиях производственных процессов. Современные компании превращаются из обособленных автономных субъектов, располагающих основными и вспомогательными производствами, складами, службами снабжения и сбыта, осуществляющих внешние транзакции на основе разовых эквивалентно-стоимостных контрактов, в звенья глобальной сети поставок и создания стоимости, производственных кластеров [1]. Вертикальные и горизонтальные межфирменные взаимодействия в рамках создания цепочек стоимости постепенно становятся важнейшими элементами системы мирохозяйственных связей, объем торговли в рамках глобальных цепочек создания стоимости в 2011–2014 гг. составлял от 60 до 67 % от объема глобальной торговли, измеряемой в единицах добавленной стоимости [1].

Начиная с 1990-х гг. основными бенефициарами глобальных процессов фрагментации производства и торговли промежуточными товарами и услугами стали развивающиеся страны, которым удалось успешно «встроить» национальные производства в глобальные производственные сети, перейдя от экспорта преимущественно сырья к экспорту полуфабрикатов и комплектующих [2]. Особенно глубоко интегрированы в глобальные цепочки создания стоимости экономики таких стран, как Китай, Мексика и Вьетнам. При этом для экономики Китая встраивание в глобальные производственные сети из альтернативы созданию собственных производств и разработок превратилось в один из способов получения передовых технологий.

В условиях глобального системного кризиса и экономических санкций, введенных против российской экономики, обострилась проблема поиска новой модели экономического развития, что предполагает переосмысление международной позиции России, коррекцию географических и отраслевых приоритетов внешнеэкономической политики. Одним из программных документов, в котором приводится анализ глобальных рисков для развития

[1] Global Value Chain Development Report 2017. Measuring and analyzing the impact of GVCs on economic development. International Bank for Reconstruction and Development. World Bank. 2017. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/gvcs_report_2017.pdf (дата обращения 02.06.2018).

российской экономики и определяются условия успешного встраивания в систему мирохозяйственных связей, является «Стратегия-2020: новая модель роста – новая социальная политика». Среди положений данного документа можно отметить указанный авторами стратегии экономический ориентир в сфере международного сотрудничества, а именно выстраивание многоуровневой системы форматов взаимодействия, позволяющих в максимальной степени использовать возможности торгового, инвестиционного и технологического сотрудничества со странами-партнерами [2]. Как справедливо отмечают авторы документа, до сих пор не задействованы возможности для улучшения международной производственной специализации России, повышения доли несырьевых отраслей в российском экспорте, особенно доли продукции высокотехнологичных производств. Сохранение сырьевой направленности российского экспорта в условиях мировой тенденции снижения цен на сырьевые товары, перехода экономики развитых стран на «зеленые технологии», а также формирования мегарегиональных торговых соглашений, таких как соглашение по Тихоокеанскому партнерству, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, непосредственно влияющих на конфигурацию и расстановку сил в глобальной экономике и не предполагающих участие России, может привести не только к консервации существующей позиции российской экономики в международном разделении труда, но и к потере традиционных для российских компаний рынков и бизнес-партнеров.

Проблемам встраивания российской экономики в систему мирохозяйственных связей посвящено немало исследований (работы В. Б. Кондратьева, В. Е. Дементьева, Е. В. Устюжаниной, С. А. Лукьянова, И. М. Драпкина, П. А. Кадочникова, Е. Н. Ветрова и др.) [3–7]. Однако в них вопросы эффективного (с точки зрения сохранения имеющихся и формирования новых конкурентных преимуществ) включения российской экономики в систему международного разделения труда рассматриваются с позиции макроуровня, игнорируется региональный аспект данной проблемы. Также практически не изучены вопросы государственного регулирования процессов формирования и функционирования на территории государства, отдельных российских регионов, глобальных цепочек создания стоимости с целью увеличения положительных эффектов для отечественной экономики. Ряд экспертов полагает, что государственное регулирование производственно-технологических цепочек (цепочек создания стоимости), складывающихся в определенных отраслях, не учитывает интересы субъектов данных цепочек и поэтому является диспаритетным [8]. Отдельно следует отметить работы Е. Н. Ветрова и Л. В. Лапочкина, посвященные вопросам государственного регулирования транснациональных технологических цепочек с участием российских компаний минерально-сырьевого комплекса. Авторы отмечают необходимость разработки государственной политики, направленной на формирование полностью (или преимущественно) с российским участием цепочек создания стоимости в сфере добычи и переработки углеводородных ресурсов, государственного регулирования технологических цепочек с целью повышения народнохозяйственной эффективности от участия в данных цепочках российских компаний, предлагают концепцию системы государственного регулирования технологических цепочек на Европейском Севере Арктического региона [7]. Однако и в указанном исследовании вопросы разработки региональной экономической политики, направленной на увеличение доли добавленной стоимости, создаваемой российскими компаниями, включенными в глобальные цепочки создания стоимости, практически не затрагиваются. Также нельзя согласиться с утверждением авторов о том, что региональные власти не являются субъектами государственной политики регулирования цепочек создания стоимости в силу того, что технологические цепочки осуществляются в экономическом пространстве, превосходящим территорию

[2] Стратегия 2020: новая модель роста – новая социальная политика. URL: http://im.kommersant.ru/content/pics/doc/doc1753934.pdf (дата обращения 20.04.2018).

отдельного региона, а органы управления регионом часто выступают в роли конкурентов за дефицитные бюджетные ресурсы.

Перспективы роста и развития российской экономики, использования преимуществ от участия в глобальных системах производства и поставок во многом определяются возможностями роста наиболее развитых российских регионов и развития территорий, обладающих такими конкурентными преимуществами, как уникальные природные ресурсы, человеческий капитал или удачное географическое положение [9]. Вместе с тем следует согласиться с позицией ученых, полагающих, что региональное развитие до настоящего времени не стало «предметом пристального теоретико-методологического и эмпирического анализа с позиции новых вызовов глобального характера» [10].

В рамках данного исследования рассматриваются возможности формирования на региональном и субрегиональном уровне управленческого пространства, позволяющего содействовать формированию цепочек создания стоимости с российским участием, интеграции российских компаний в сложившиеся цепочки создания стоимости или изменению места в цепочке с целью увеличения добавленной стоимости, генерируемой российскими участниками.

Для достижения цели исследования поставлены следующие задачи:

- выявить современные тенденции развития глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС);
- оценить степень включенности в глобальную систему цепочек добавленной стоимости российского бизнеса, преимущества и риски интеграции российских компаний в ГЦСС;
- определить объекты и принципы региональной экономической политики в области содействия интеграции региональных производств в глобальные производственные сети.

Методология исследования основывается на научных трудах российских и зарубежных ученых в области международной экономики, региональной экономики и вопросов государственного регулирования экономики.

Глобальные цепочки создания стоимости и уровень интеграции российского бизнеса в глобальные производственные сети

Концепция «цепочки создания стоимости», «цепочки ценности» («value chain») была предложена М. Портером, который впервые акцентировал внимание ученых и бизнесменов на взаимосвязи процессов создания, распределения и потребления конкретного продукта и услуги, а также необходимости оптимальной конфигурации данных процессов для повышения конкурентоспособности компании [11]. Начиная с 1990-х гг. в экономической литературе стали широко использоваться такие понятия, как «глобальная цепочка поставок», «глобальная производственная сеть» и «глобальная цепочка создания стоимости». Появление данных понятий напрямую связано с развитием процессов глобализации и фрагментации производства между разными странами. В рамках глобальной производственной сети разные этапы производства, от проектирования и закупок сырья и комплектующих до изготовления конечного продукта, распределены между территориями двух и более государств, охватывая все группы участников и отношения между ними [12]. Под глобальной цепочкой создания стоимости понимается создающая добавленную стоимость деятельность, охватывающая все стадии производства и сбыта продукта (от стадии проектирования до стадии реализации и обслуживания на пути к конечному потребителю), в ГЦСС вовлечены компании, осуществляющие свою деятельность на территории разных стран [3]. При формировании ГЦСС акцент сделан на достижении синергетического эффекта объединения различных видов дея-

[3] Руководство по измерению глобального производства. Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных наций. Нью-Йорк, Женева. 2016. URL: www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2016/Guide_to_Measuring_Global_Production_-_RU.pdf (дата обращения 01.06.2018).

тельности – начиная с НИОКР и заканчивая продвижением продукции на рынок и послепродажным обслуживанием (рис. 1).

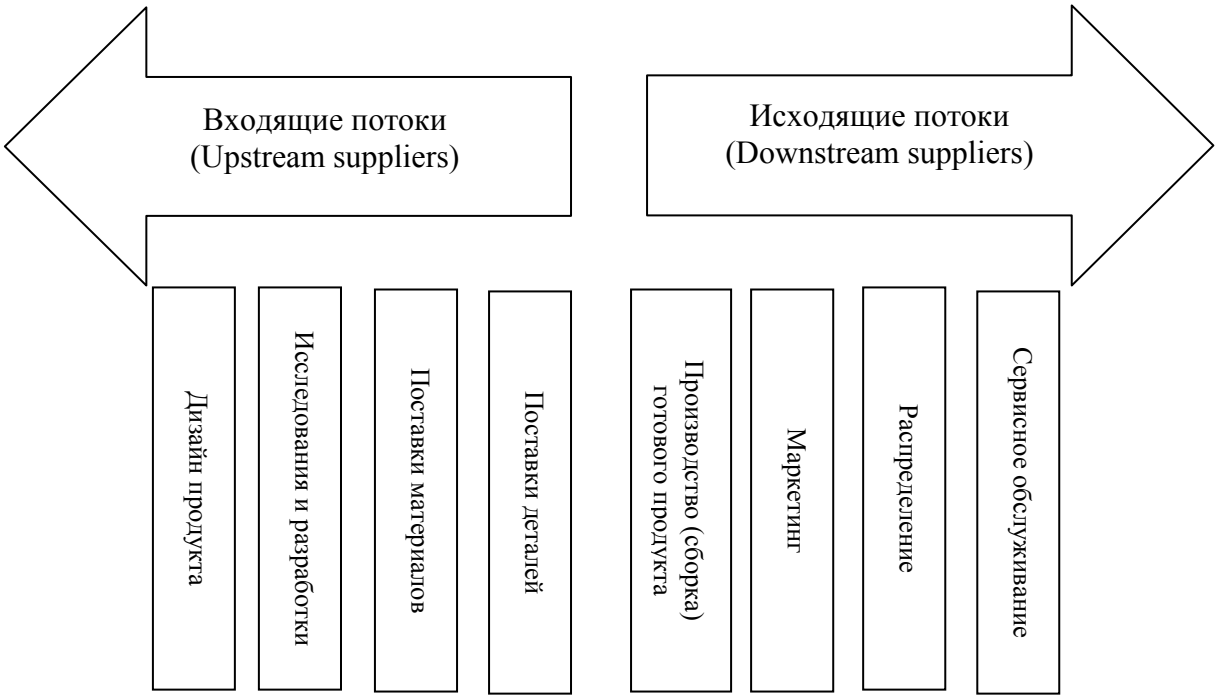

Рис. 1. Взаимосвязанные задачи в рамках глобальной цепочки создания стоимости
Fig. 1. Interrelated tasks within the global value chain

Принимая во внимание наличие как в отечественной, так и в зарубежной экономической литературе разных подходов к определению указанных выше понятий, следует акцентировать внимание на следующих моментах. Во-первых, концепцию ГЦСС не следует рассматривать только в качестве логического продолжения концепции «цепочки создания стоимости», предложенной М. Портером. Помимо международного измерения, основное внимание в исследованиях, посвященных ГЦСС, уделяется вопросам «генерирования» и перераспределения добавленной стоимости между разными стадиями цепочки (задачами (task)), а также организационным решениям компаний по оптимизации глобальных производственных сетей. В рамках концепции М. Портера изучается возможность выбора для компании такой стратегии развития, которая обеспечит оптимальную, с точки зрения прибыли, конфигурацию бизнес-процессов в пределах одной организации. Во-вторых, несмотря на то, что в данной работе, как и в большинстве аналогичных исследований, посвященных проблемам ГЦСС, широко используется понятие «глобальный», ряд экспертов полагают, что современную мировую экономику более справедливо характеризовать не как «глобальную», а как «региональную». В связи с этим следует рассматривать цепочки создания стоимости и производственные сети, которые формируются и развиваются преимущественно в границах одного из таких макро-регионов, как Азия (Factory Asia), Европа (Factory Europe) и Северная Америка (Factory North America). И в данном случае целесообразнее употреблять термин «региональная производственная сеть», т. е. международная сеть, все узлы которой расположены на территории одного экономического объединения стран [13].

Несмотря на различие в методологии и эмпирических оценках общепризнанной тенденцией развития мировой экономики стало выстраивание экономических процессов вокруг глобальных и региональных производственных сетей, создание цепочек стоимости на межстрановом уровне. В рамках совместной инициативы ВТО-ОЭСР по измерению международной торговли в терминах добавленной стоимости формируются базы данных, содержащие информацию о величине добавленной стоимости в валовом экспорте и импорте большинства развитых и развивающихся государств. Основываясь на указанных данных, можно сделать вывод о том, что глобальные производственные сети активно развивались начиная с 1995 г., за исключением периодов азиатского и мирового финансового кризисов, оказавших негативное влияние на состоянии мирового хозяйства в целом, темпы роста величины добавленной стоимости, создаваемой в рамках ГЦСС, были выше темпов роста величины добавленной стоимости, создаваемой и потребляемой в рамках национальной экономики [4].

В течение последних десятилетий российская экономика была встроена в глобальную экономику в основном в качестве поставщика сырья. Несмотря на определенные сдвиги в структуре российского экспорта в период с 2014 по 2016 г., а именно увеличение доли сельскохозяйственных товаров (с 3,8 до 6,0 % в общем объеме товарного экспорта) и снижение доли минеральных продуктов и топливно-энергетических товаров (с 70,5 до 59,2 %), основой российского экспорта по-прежнему остается экспорт углеводородов [5].

Уровень интеграции российской экономики в ГЦСС можно оценить исходя из показателей доли добавленной стоимости в валовом экспорте страны. Так, по состоянию на 2011 г. в производстве основных экспортных отраслей российской экономики – добывающей, металлургической и производстве продуктов нефтепереработки – большая часть добавленной стоимости была сформирована в пределах национальной экономики: 93,5, 77,2 и 87,9 % соответственно. В период с 1995 по 2011 г. доля «импортируемой» добавленной стоимости в общей величине добавленной стоимости валового экспорта практически не изменилась: произошел небольшой рост – с 0,1 до 0,3 %. При этом значительно возросла доля добавленной стоимости, экспортируемой в третьи страны (с 25,1 до 38,1 %) при одновременном снижении доли добавленной стоимости, экспортируемой конечным потребителям (с 25,1 до 38,1 %). Фактически российская экономика более вовлечена в процессы участия продукцией (forward participation), что означает экспорт отечественных промежуточных товаров (экспорт добавленной стоимости, сформированной в пределах национальной экономики) для последующего использования в производстве других стран, чем в процессы участия компонентами (backward participation) – использование импортных промежуточных товаров для производства экспорта (импортная составляющая добавленной стоимости экспорта страны). Обращает внимание низкая величина импортной добавленной стоимости услуг в общем объеме валового экспорта – 6,6 % по состоянию на 2011 г. [6]

Возможности для роста национальной экономики за счет интеграции в ГЦСС

Следует отметить, что распределение создаваемой добавленной стоимости в рамках участия России в глобальных производственных сетях часто оказывается не в пользу отечественной экономики: страны, контролирующие ГЦСС, извлекая интеллектуальную ренту, концентрируют на своей территории звенья цепи, связанные с высокой добавленной стоимостью. Как правило, это такие стадии, как НИОКР, дизайн, создание бренда на предпроизводственной стадии и сервисное обслуживание и маркетинг на стадиях, следующих за стадией производства (рис. 2).

[4] World Input-Output Tables. URL: http://www.wiod.org/database/wiots16 (дата обращения 01.06.2018).

[5] Федеральная таможенная служба России. URL: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=24772:-2016-&catid=53:2011-01-24-16-29-43&Itemid=1981#_ftn2 (дата обращения 10.02.2018).

[6] Торговля добавленной стоимостью и глобальные цепочки создания стоимости. Российская Федерация. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/miwi_e/RU_e.pdf (дата обращения 04.04.2018).

Впервые распределение величины добавленной стоимости между различными видами деятельности (задачами) в рамках ГЦСС в виде параболы, отображенной на рис. 2 («улыбающаяся кривая» (smile curve), было предложено в 1992 г. Стэном Ши, основателем компании Acer, и описывало ситуацию с формированием и распределением добавленной стоимости при производстве персональных компьютеров [14]. Данное распределение добавочной стоимости между различными задачами и соответственно участниками ГЦСС соответствует ситуации, которая сложилась в России в сфере «отверточной» сборки иностранных марок автомобилей (европейских, японских, южно-корейских): благодаря трансфертному ценообразованию основные прибыли уходят в экономику зарубежных стран, транснациональным корпорациям, контролирующим глобальные производственные сети [4]. На этапе же производства, в данном случае – сборки готовых узлов и агрегатов автомобиля (assembly), генерируется существенно меньшая часть и добавленной стоимости, и, соответственно, прибыли.

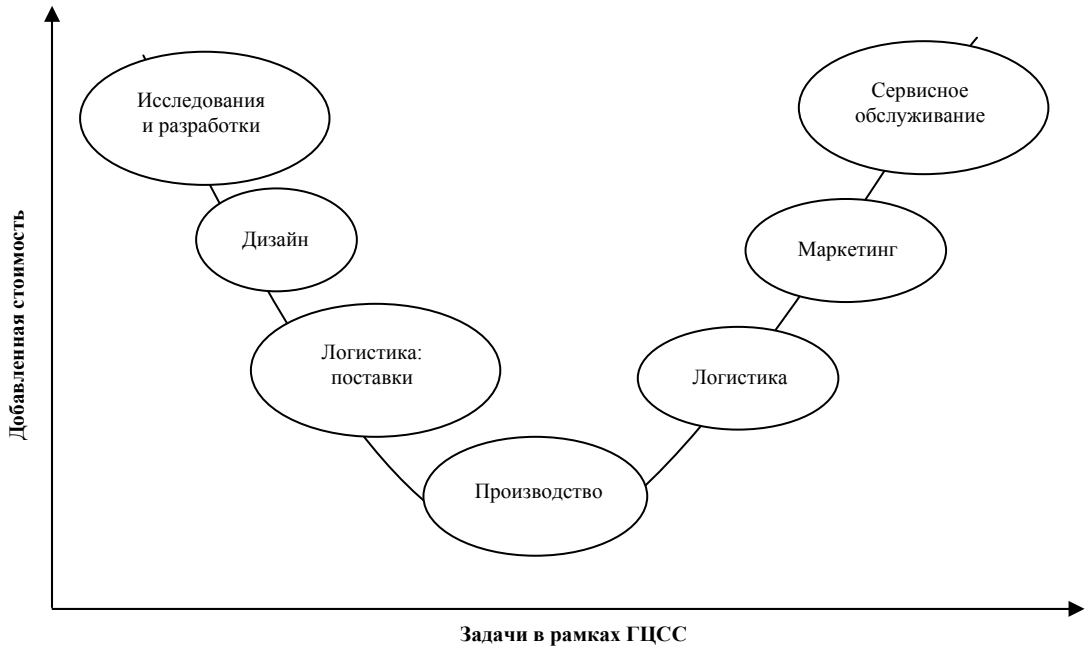

Рис. 2. Распределение добавленной стоимости между различными задачами в рамках глобальной цепочки создания стоимости

Fig. 2. Value added distribution between various tasks within global value chains

Следует отметить, что распределение величины добавленной стоимости между участниками ГЦСС может отличаться в зависимости от сектора производства, формы фрагментации производства в принимающую экономику, уровня социально-экономического развития формирующих ГЦСС стран. Например, значительная часть добавленной стоимости между различными стадиями ГЦСС в сфере экспорта автомобилей ведущих немецких концернов приходится именно на стадию производства готового продукта, которая сконцентрирована преимущественно на территории Германии [15]. Это обусловлено успешным переходом автомобильной промышленности Германии от концепции массового производства к концепции «массовой персонализации» (mass customizer), эффективному сочетанию индивидуального дизайна, цифровых технологий и интеллектуальных решений.

В целом, изменения в параметрах национальной экономики (эффекты), происходящие вследствие включения национальных компаний в ГЦСС, могут носить как положительный, так и отрицательный характер. Положительные эффекты связаны с ростом ВВП, соответствующим увеличением налоговых поступлений в бюджеты всех уровней, появлением новых рабочих мест (особенно в высокотехнологичных отраслях), повышением качества выпускаемой продукции за счет более высоких требований, предъявляемых иностранными заказчиками, а главное ростом производительности труда, квалификации работников на вновь созданных производствах и трансферту новых технологий в принимающую экономику. Возможны и отрицательные эффекты, основным из которых является консервация технологической зависимости от развитых стран, так называемая ловушка технологических заимствований. Контролирующие большинство ГЦСС транснациональные корпорации (ТНК), как правило, ограничивают доступ компаний принимающей экономики к новейшим технологиям, передавая лишь «second hand» технологии, при этом в принимающих странах уменьшается объем инвестиций в собственные разработки и исследования, а в итоге разрыв в технологическом развитии может только усилиться [5]. Государства оказываются в так называемой «ловушке среднего дохода» (middle-income trap), что сопровождается замедлением темпов экономического роста, концентрацией на экспорте ограниченного перечня специализированной продукции, производство которой, как правило, не связано с генерированием значительной добавленной стоимости. Национальная образовательная система страны, попавшей в «ловушку среднего дохода», не в состоянии предложить квалифицированные кадры, готовые к применению новейших технологий и к созданию новых продуктов и совершенствованию существующих технологических процессов. Именно в такой ловушке, по мнению ряда исследований, оказались Таиланд, Малайзия, Филиппины, Чили и ряд новых (emerging markets) экономик.

Успешный опыт в сфере процессов активизации внутриотраслевой и межотраслевой диффузии технологий у Китая, который на протяжении последних десятилетий увязывает процессы размещения на собственной территории производственных площадок ТНК с передачей прав на интеллектуальную собственность. Китай за сравнительно непродолжительный срок смог превратиться из поставщика дешевой рабочей силы в производителя высокотехнологичной продукции, концентрирующей на территории страны те звенья ГЦСС, которые генерируют наибольшую долю добавленной стоимости. Именно благодаря реализации указанной государственной политики преуспели и получили широкую известность такие телекоммуникационные гиганты из Китая, как компании «Huawei» и «Lenovo». Во многом успех Китая объясняется объемом внутреннего рынка: в целях получения доступа к рынку Китая ТНК, представляющие развитые страны, соглашаются на передачу научных разработок и создание исследовательских центров внутри страны.

Российский бизнес, являясь частью ГЦСС в таких отраслях, как автомобилестроение, самолетостроение, агробизнес (животноводство), очень часто сконцентрирован на стадиях финальной сборки и дистрибуции, генерирующих сравнительно небольшую добавленную стоимость [4].

Включение региональных производств в глобальные цепочки создания стоимости: вопросы государственного регулирования

В настоящее время ключевой проблемой социально-экономической политики России является необходимость поиска новой модели экономического роста, отличной от доминировавшей в течение долгого времени «рентной модели», основу которой составлял постоянно возрастающий приток нефтегазовой ренты [16]. Существенное снижение мировых цен на сырьевые товары привело к ухудшению «условий торговли» для России: двукратное падение цены на нефть и другие энергоресурсы, составляющие основные статьи российского экспорта, сопровождалось повышением цен на импортные комплектующие и оборудование,

от которого российская экономика сильно зависит [17]. «Болезненными» для отечественной экономики оказались и введенные США и странами ЕС санкции в финансовой сфере, суть которых заключается в ограничении доступа к международным рынкам капиталов для российских банков и государственных корпораций. Фактически же действие глобальных процессов и «внешних шоков» усугубили специфические институциональные проблемы России. В сложившихся условиях политика пассивной адаптации к обрушению нефтяных цен и действию других «внешних шоков» не способна обеспечить не только рост российской экономики, но и ее стабилизацию в долгосрочном периоде, а простая переориентация товарных потоков с Запада на Восток будет способствовать консервации сырьевой специализации страны. Следует учитывать и тот факт, что затянувшийся структурный кризис российской экономики не позволяет во многих отраслях достичь в сжатые сроки высоких показателей производительности труда с опорой только на внутренние ресурсы, не включаясь в международные цепочки создания стоимости.

Как было отмечено, для восстановления экономического роста и развития необходимо построение модели, позволяющей улучшить международную производственную специализацию России в направлении роста объемов выпуска продукции (услуг) с высокой долей добавленной стоимости, стимулирующей отечественные компании участвовать в глобальных цепочках создания стоимости на более выгодных условиях. В свою очередь, для достижения указанной цели требуется накопление и развитие человеческого капитала, разработка новых технологий, создание условий для инвестиций и выпуска инновационной, особенно высокотехнологичной продукции. Реализация данных реформ возможна только при условии формирования и реализации соответствующей государственной политики, направленной на поддержку инициатив российского бизнеса по участию в ГЦСС при достижении положительных эффектов как для самих участников, так и для российской экономики в целом.

Разработка указанной государственной политики требует учета интересов всех субъектов управления («субъектов влияния»), которые будут непосредственно задействованы в реализации проектов участия российских компаний в ГЦСС.

В качестве основных «субъектов влияния» следует рассматривать федеральные и региональные органы власти. На наш взгляд, не следует «занижать» роль и возможности органов власти субъектов Российской Федерации содействовать в реализации региональной экономической политики по «встраиванию» региональных компаний и производств в глобальные производственные сети. Несмотря на конкурентный характер борьбы региональных администраций за бюджетные и инвестиционные ресурсы, а также транснациональный характер производств, входящих в ГЦСС, значимость «региональной компоненты» указанной государственной политики может быть обоснована следующими обстоятельствами.

Во-первых, в условиях нарастания региональных диспропорций в экономическом и социальном развитии России, неоднородности уровня развития транспортной, производственной и социальной инфраструктуры на территории отдельных российских регионов, комплексное изучение потенциала региона и применение соответствующих инструментов регулирования приобретает особую актуальность. Необходим детальный анализ сложившихся условий и предпосылок саморазвития территории: качество «человеческого капитала», потенциал создания новых знаний и технологий, интенсивность конкуренции и сложившихся кооперационных связей на уже существующих рынках, возможности появления новых продуктов и рынков. В результате проведения данного анализа должна быть дана оценка перспектив локализации процессов (задач), входящих в ГЦСС, на территории региона, возможностей включения выпускаемой региональными предприятиями продукции / услуг в глобальные и региональные цепочки создания стоимости, с одной стороны, а также привлечения ведущих мировых игроков на территорию региона, с другой стороны; определены ключевые для региональной экономики производства, поддержка которых должна стать прерогативой региональной экономической политики государственных структур.

Во-вторых, современная экономическая политика развитых стран отдает предпочтение территориальному подходу в сфере содействия экономическому развитию, набор компетенций и меры государственной поддержки дифференцированы по территориям, что позволяет оперативно реагировать на тенденции изменения рынка [18]. В России до последнего времени проводилась выравнивающая региональная политика без учета потенциала отдельных территорий, выявления и вовлечения в реализацию проектов основных заинтересованных лиц, выбора приоритетов и соответствующего набора инструментов государственной поддержки.

Несмотря на то, что в стране созданы институты развития (ОАО «Роснано», ОАО «РВК», региональные венчурные фонды, фонды развития промышленности), в регионах формируется инновационная инфраструктура и инфраструктура поддержки внешнеэкономической деятельности (центры трансферта технологий, инжиниринговые центры, подразделения Российского экспортного центра), последние несколько лет активно используются нововведения, связанные с введением особых правовых режимов осуществления предпринимательской деятельности в границах локальных территориальных образований (особые экономические зоны, территории опережающего развития, инновационные территориальные кластеры), эксперты указывают на отсутствие взаимодействия между институтами развития, созданной инфраструктурой и региональным бизнесом. Реальных прорывов в социально-экономическом оживлении регионов, в изменении международной специализации российского бизнеса, особенно в сфере повышения продукции и услуг с высокой долей добавленной стоимости, в том числе высокотехнологичной продукции, не так много [19].

На наш взгляд, для решения задачи государственного стимулирования включения региональных экономик в глобальные производственные сети, участия в международном разделении труда на более выгодных условиях необходим иной подход к выбору объектов государственной региональной экономической политики и соответствующих характеру данных объектов инструментов стимулирования деловой активности. В качестве объектов государственной региональной экономической политики предлагаем рассматривать отдельные сегменты / сектора региональной экономики, разграничение которых будет осуществляться исходя из двух критериев (рис. 3).

Одним из указанных критериев является уровень локализации процесса производства продукта (услуга), т. е. фактически уровень «включенности» продукта (услуги) (выпуск / оказание которых осуществляется / планируется региональными компаниями) в национальные, региональные (в данном случае территория Евразийского экономического союза) и глобальные производственные сети. Под национальной цепочкой создания стоимости понимается концентрация всей совокупности процессов создания, распределения и потребления продукта (услуги) в пределах национальной экономики. Соответственно все узлы национальной производственной сети сконцентрированы в пределах одной страны.

В качестве второго критерия выступает уровень локализации рынка потребления продукта (услуги). В предлагаемой типологии выделены несколько типов рынков: регион (территория субъекта Российской Федерации), макрорегион (федеральный округ), национальные границы, пространство Евразийского экономического союза (ЕАЭС), СНГ и дальнее зарубежье.

Обоснование выбора первого критерия фактически представлено выше. Многие производственные процессы благодаря таким факторам, как технический прогресс, развитие транспортной инфраструктуры и удешевление перевозок, либерализация торговли, дробятся на отдельные операции, которые осуществляются как в разных регионах одной страны, так и в разных странах. В современной экономике предметом торговли все чаще выступают не товары и услуги как таковые, а доли в добавленной стоимости, формирующие стоимость конечного продукта.

Учет специфики рынка, для которого предназначен региональный продукт (услуга), необходим для оценки потенциальной готовности рынка принять данный продукт. Российская Федерация является средоточием территорий, отличающихся уровнем социально-экономи-

Локализация рынка

Локальный рынок → Мировой рынок

Локализация производства

Локальный продукт → Глобальная производственная сеть

Тип товара	Тип рынка				
	Регион	*Макрорегион (федеральный округ)*	*Национальные границы*	*Пространство – ЕАЭС*	*Дальнее зарубежье и СНГ*
Локальный продукт (услуга) Производство локализовано в регионе	Локальное производство для локального рынка	Локальное производство для рынков соседних регионов	Локальное производство для общероссийского рынка	Локальное производство для рынка стран – членов ЕАЭС	Локальное производство для рынков стран, представляющих дальнее зарубежье и СНГ
Продукт (услуга) часть национальной производственной сети		Производство полуфабрикатов / комплектующих для российских компаний, расположенных на территории соседних регионов	Производство полуфабрикатов / комплектующих для российских компаний, расположенных на территории РФ		
Продукт (услуга) часть региональной (регион – ЕАЭС) производственной сети				Производство полуфабрикатов / комплектующих для российских компаний, расположенных на территории стран – членов ЕАЭС	
Продукт (услуга) часть глобальной производственной сети					Производство полуфабрикатов / комплектующих для российских компаний, расположенных на территории стран дальнего зарубежья и СНГ

Рис. 3. Типология секторов региональной экономики как объектов государственного регулирования
Fig. 3. Typology of regional economic sectors subject to state regulation

ческого развития, инновационной активности и степени включенности в систему международной кооперации. Наряду с финансово-экономическими и интеллектуальными центрами страны (города федерального значения Москва и Санкт-Петербург) и прилегающими к ним территориями, на которые приходится подавляющее большинство иностранных инвестиций, а также группой высокоразвитых регионов с преобладающей сырьевой экспортной ориентацией (например, Тюменская область), многие российские регионы ориентированы практически исключительно на внутренний рынок, имея весьма ограниченный спектр внешнеэкономических связей. Соответственно возможности и готовность участия различных российских регионов в программах импортозамещения, в проектах созданиях эскпортоориентированных производств, т. е. возможности выхода на различные типы рынков существенно отличаются.

Рынок ЕАЭС выделен в связи с особым значением для России интеграционных процессов на евразийском пространстве. В настоящее время Евразийский экономический союз может рассматриваться как единственное сравнительно работоспособное, имеющее перспективы роста межстрановое объединение на всем постсоветском пространстве. СНГ так и не смог состояться в качестве полноценного инструмента постсоветской интеграции. Также ЕАЭС является одним из самых быстроразвивающихся интеграционных объединений в мире: в 2010 г. был создан Таможенный союз (ТС) России, Беларуси и Казахстана, в 2012 г. началось формирование Единого экономического пространства (ЕЭП) трех стран, а в 2015-м – Евразийского экономического союза, союз пополнился Арменией и Кыргызстаном [20].

В рассматриваемом нами контексте производственные процессы по созданию определенных видов продукции (услуг) для определенных типов рынков, а также процессы распределения и потребления данного продукта (услуги) могут рассматриваться в качестве объектов управления для органов государственной власти – как федеральных, так и региональных, призванных оказывать стимулирующее воздействие на данные объекты для достижения целей региональной экономической политики. В контексте «встраивания» региональных производств в глобальные производственные сети, а также региональные производственные сети, в качестве которой в предлагаемой типологии рассматривается региональная сеть, все узлы которой располагаются на территории стран – членов ЕАЭС, определяющими критериями могут выступать величина (количественное и качественное измерение) положительных эффектов для экономки принимающего региона.

Безусловно, что с точки зрения целей достижения сбалансированного территориального развития хозяйства страны встраивание регионального продукта (услуги) в национальные производственные сети, выстраивание национальных цепочек создания стоимости представляется не менее важной задачей. И решению этой задачи должно быть посвящено отдельное исследование.

Реализация политики государственной поддержки включения региональных производств, уже существующих или планируемых к созданию на территории региона, в глобальные и региональные производственные сети требует изменения подходов к взаимодействию между федеральными и региональными государственными структурами, с одной стороны, и между государством, научно-исследовательскими организациями и бизнес-сообществом, с другой. В ходе реализации данных проектов и подбору инструментов государственной поддержки указанное взаимодействие должно быть основано на следующих принципах.

1. Комплексное изучение потенциала региона, в том числе инновационного потенциала, сложившихся условий и предпосылок саморазвития территории (качество «человеческого капитала», потенциал создания новых знаний и технологий, потенциал внедрения новых технологий, интенсивность конкуренции и сложившихся кооперационных связей на уже существующих рынках, возможности появления новых продуктов и рынков).

В ходе указанного исследования должны быть должны быть сформулированы ответы на следующие вопросы:

- какие сектора региональной экономики имеют конкурентные преимущества для вхождения в существующие или только формирующиеся ГЦСС;

- какие стадии из исследуемых ГЦСС формируют наибольшую добавленную стоимость;
- какие компетенции необходимы региональным компаниями для вхождения в ГЦСС именно на этих стадиях;
- какие эффекты для принимающей экономики создаст участие региональных компаний в ГЦСС (народнохозяйственный эффект).

В результате проведения данного анализа должна быть дана оценка перспектив локализации отдельных процессов – задач, входящих в ГЦСС, на территории региона, возможностей включения выпускаемой региональными предприятиями продукции / услуг в глобальные и региональные цепочки создания стоимости, определены ключевые для региональной экономики производства, поддержка которых должна стать прерогативой региональной экономической политики государственных структур.

Фактически необходим перенос акцентов в функционировании механизма государственного регулирования экономики с поддержки отдельных отраслей на поддержку отдельных задач – процессов в рамках ГЦСС, которые будут реализованы на базе уже существующих компаний или вновь созданных. Такое смещение акцентов, безусловно, является новацией для отечественных планов и программ социально-экономического развития как федерального, так и регионального уровня.

2. Определение основных «субъектов влияния» (stakeholder), которые будут непосредственно задействованы в реализации проектов организации производства инновационной продукции.

В качестве «субъектов влияния» могут выступать не только государственные властные структуры регионального и федерального уровня, научно-исследовательские организации, малый и средний бизнес. Часто значимые рычаги воздействия на развитие региональных хозяйственных комплексов находятся «в руках» у вертикально интегрированных корпораций. В частности, российский крупный бизнес непосредственно оказывает влияние на величину региональной компоненты в произведенной добавленной стоимости, состояние локальных рынков труда и обладает значительными инвестиционными ресурсами.

Принимая во внимание, что речь идет о вхождении региона в систему мирохозяйственных связей, без активного международного взаимодействия реализация инвестиционных проектов невозможна. Как уже указывалось, под контролем ТНК находятся практически все глобальные цепочки создания стоимости (по данным ЮНКТАД, 80 % добавленной стоимости в мире формируется в рамках производственно-торговых цепочек, координируемых транснациональными корпорациями [2]). Включение в ГЦСС на первоначальных этапах связано с процессами трансферта технологий, импорта оборудования и привлечения иностранных специалистов, поэтому зарубежные компании будут выступать в качестве одного из важнейших stakeholder – партнеров проектов организации новых производств.

3. Интенсификация горизонтальных и вертикальных связей в рамках реализуемых проектов: стимулирование сетевых взаимодействий между компаниями / группами компаний в рамках одного региона, макрорегиона (федеральный округ), страны в целом, между бизнесом, институтами развития и научно-исследовательскими организациями, между государственными структурами различного уровня и разных субъектов Федерации; интенсификация международного сотрудничества с компаниями, входящими в состав транснациональных корпораций.

Необходимость стимулирования сетевых взаимодействий обусловлена тем, что современная экономика, основанная на инновациях, становится сетевой, а общество превращается в систему сетевых структур. Интеграция конкуренции и сотрудничества связана с умением найти отличную от остальных нишу, выявлять потребность в новых продуктах и организационно-технологических комбинациях производственных факторов. Управление цепочками поставок изменяет маркетинг взаимоотношений: переход от жестко интегрированных иерархических структур к горизонтальному сотрудничеству участников сети увеличивает сложность и многообразие хозяйственных связей, свободу выбора инноваций.

Выводы

Современный уровень развития мирохозяйственных связей, а также выгоды, получаемые развитыми экономиками в рамках участия в глобальных цепочках создания стоимости, подталкивают Россию к ускоренному изменению международной производственной специализации на базе использования накопленного в регионах потенциала. Усиление процессов глобализации приводит к тому, что достижение высоких показателей эффективности с опорой только на ресурсы национальной экономики для многих отраслей становится трудновыполнимой задачей. Однако при всей привлекательности участия в международном разделении труда необходимо, чтобы включение региональных экономик в глобальные цепочки создания стоимости приносило максимальный синергетический эффект, а это возможно при условии развития тех секторов экономики, которые, обладая конкурентными преимуществами на региональном и мировом уровнях, формируют в рамках ГЦСС значительную добавленную стоимость. Задача государственной политики – идентификация и поддержка таких секторов.

Направлением дальнейшего исследования является разработка инструментария поддержки производств, включенных в уже существующие или только формирующиеся глобальные цепочки создания стоимости, связанных с производством продуктов / услуг с высокой добавленной стоимостью.

Список литературы / References

1. **Бляхман Л. С.** Глобальные, региональные и национальные тенденции развития экономики России в XXI веке: избранные труды. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. 671 с.

   Blyakhman L. S. Global'nye, regional'nye i natsional'nye tendentsii razvitiya ekonomiki Rossii v XXI veke: izbrannye trudy [Global, regional and national trends of Russian economy development in the XXI century: selectas]. St. Petersburg, Saint Petersburg Uni. Publ., 2016. 671 p. (in Russ.)

2. **Кукушкина Ю.** Глобальные цепочки создания стоимости корпоративные интересы транснациональных корпораций // Современная конкуренция. 2016. Т. 10, № 2 (56). С. 107–117.

   Kukushkina Y. Global value chains and corporate interests of multinational corporations. *Journal of Modern Competition*, 2016, vol. 10, no. 2 (56), p. 107–117. (in Russ.)

3. **Кондратьев В.** Мировая экономика как система глобальных цепочек стоимости // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 3. С. 5–17.

   Kondratiev V. World Economy as Global Value Chain's Network. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [*World Economy and International Relations*], 2015, no. 3, p. 5–17. (in Russ.)

4. **Дементьев В., Устюжин Е.** Включение отечественной экономики в глобальные цепочки создания стоимости: созидательный потенциал и риски // Российский экономический журнал. 2016. № 2. С. 19–34.

   Dementiev V., Ustyuzhin E. Including national economy in global value chains: creative potential and risks. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal* [*Russian Economic Journal*], 2016, vol. 2, p. 19–34. (in Russ.)

5. **Лукьянов С., Драпкин И.** Глобальные цепочки создания стоимости: эффекты для интегрирующийся экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 4. С. 16–25.

   Lukiyanov S., Drapkin I. Global value chains: effects for integrating economy. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [*World Economy and International Relations*], 2017, vol. 61, no. 4, p. 16–25. (in Russ.)

6. **Кадочников П. А.** Перспективные вопросы расширения участия России в глобальных цепочках добавленной стоимости // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 2. С. 8–13.

   Kadochnikov P. A. Russia increasing global value added chains participation: perspective issues. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik* [*Russian Foreign Economic Journal*], 2015, no. 2, p. 8–13. (in Russ.)

7. **Ветрова Е. Н., Лапочкина Л. В., Минченко Л. В.** Государственное регулирование транснациональных технологических цепочек с участием российских компаний минерально-сырьевого комплекса в Российской Арктике // Изв. Урал. гос. горного университета. 2016. Вып. 3 (43). С. 109–114.

Vetrova E. V., Lapochkina L. V., Minchenko L. V. State regulation of transnational technological chains involving Russian companies of the mineral complex in the Russian Arctic. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo gornogo universiteta* [*News of the Ural State Mining University*], 2016, no. 3 (43), p. 109–114. (in Russ.)

8. **Сафиуллин М. Р., Сафина А. А.** Построение и экономическая оценка производственно-технологических цепочек (на примере нефтегазохимического комплекса Республики Татарстан). Казань: Казан. ун-т, 2013. 148 с.

Safiullin M. R., Safina A. A. Creating and economic evaluation of production and technology nets (at the example of the Republic Tatarstan). Kazan, Kazan Uni. Press, 2013, 148 p. (in Russ.)

9. **Григорьев Л., Зубаревич Н., Урожаева Ю.** Сцилла и Харибда региональной политики // Вопросы экономики. 2008. № 2. С. 83–98.

Grigoriev L., Zubarevich N., Urozhaeva Yu. Scylla and Charibdis of Regional Policy. *Voprosy ekonomiki* [*Questions of Economy*], 2008, no. 2, p. 83–98. (in Russ.)

10. **Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В.** «Новая нормальность» в российской экономике: региональная специфика // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 3. С. 714–725.

Silin Ya. P., Animitsa E. G., Novikova N. V. New Normal in Russian Economy: Regional Specificity. *Ekonomika regiona* [*Economy of Region*], 2016, vol. 12, no. 3, p. 714–725. (in Russ.)

11. **Porter M. E.** Competition in Global Industries: A Conceptual Framework. *Competition in Global Industries*. Boston, Harvard Business School Press, 1986, p. 15–60.

12. **Ernest D., Kim L.** Global Production Networks, Knowledge Diffusion, and Local Capability Formation. *Research Policy*, 2002, vol. 31, no. 8–9, p. 1417–1429.

13. **Мазитова М., Демина Я.** Международные производственные сети: роль стран Восточной Азии // Пространственная экономика. 2017. № 1. С. 71–98.

Mazitova M., Dyomina Ya. International Production Networks: The Role of East Asia. *Prostranstvennaya ekonomika* [*Space Economy*], 2017, vol. 1, p. 71–98. (in Russ.)

14. **Shih S.** Me-Too is not my style: Challenge difficulties break through bottlenecks, create values. Ed. by E. Slingerland. Taipei, The Acer Foundation, 2003.

15. **Ming Y., Bo M., Shang-jin W.** Measuring Smile Curves in Global Value Chains. Institute of developing economies, 2015. URL: http://rigvc.uibe.edu.cn/docs/20160329210052329340.pdf

16. **Мау В.** Антикризисные меры или структурные реформы: экономическая политика России в 2015 году // Вопросы экономики. 2016. № 2. С. 5–33.

Mau V. Anti-crisis measures or structural reforms: Russia's economic policy in 2015. *Voprosy ekonomiki* [*Questions of Economy*], 2016, vol. 2, p. 5–33 (in Russ.)

17. **Оболенский В.** Внешняя торговля России: барометр предсказывает бурю // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 2. С. 15–25.

Obolenskii V. Foreign trade of Russia: barometer foretells storm. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [*World Economy and International Relations*], 2016, vol. 60, no. 2, p. 15–25 (in Russ.)

18. **Земцов С., Баринова В.** Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: от выравнивания к «умной специализации» // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 65–81.

Zemtsov S., Barinova V. The paradigm changing of regional innovation policy in Russia: From equalization to smart specialization. *Voprosy ekonomiki* [*Questions of Economy*], 2016, vol. 10, p. 65–81 (in Russ.)

19. **Швецов А.** «Точки роста» или «Черные дыры»? (К вопросу об эффективности применения «зональных» инструментов госстимулирования оживления экономической динамики территорий) // Российский экономический журнал. 2016. № 3. С. 40–61.

Shvetsov A. Growing-points» or «Black holes»? (To the question of effectiveness in applying «area-based» instruments of economic activity state support. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal* [*Russian Economic Journal*], 2016, vol. 3, p. 40–61 (in Russ.)

20. **Головнин М., Захаров А., Ушкалова Д.** Экономическая интеграция: уроки для постсоветского пространства // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 4. С. 61–69.

Golovnin M., Zakharov F., Uschkalova D. Economic integration: lessons for the post-soviet space. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [*World Economy and International Relations*], 2016, vol. 60, no. 4, p. 61–69. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
10.09.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Волкова Марина Анатольевна, соискатель ученой степени кандидата экономических наук, Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М. Ф. Решетнева (проспект им. газеты «Красноярский рабочий», 31, Красноярск, 650059, Россия); консультант министерства экономического развития и инвестиционной политики Красноярского края

Marina A. Volkova, Postgraduate Degree Seeker in Economics, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsky Rabochy Ave., 31, Krasnoyarsk, 660059, Russian Federation), Consultant of the Ministry of Economic Development and Investment Policy of the Krasnoyarsk kray

wolfmarius@mail.ru
ORCID 0000-0001-8216-8218